

Светлана Алексиевич: “Я всю жизнь живу в военном обществе”

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ - редкая гостья в Санкт-Петербурге. Она живет в Белоруссии и пишет там книги. Книги о войне - и не только. Великая Отечественная, Афганистан, Чернобыль - все это ей приходится пережить вместе с героями своих произведений, чтобы рассказать нам.

- Одна из героинь вашей книги “У войны не женское лицо”, объясняя, почему в 1941 году 17-летние девочки ушли на фронт, сказала: “Нас воспитали, что Родина и мы - это одно и то же”. Как вы считаете, сегодня, когда понятие “родина” в принципе исчезло, возможно услышать нечто подобное из уст современных девушек или юношей?

- Знаете, мне бы хотелось, чтобы ощущение родины в том, воинственно-патриотическом смысле не было. И в то же время какоо-то чувство родины должно быть: человек же не трава, не лопух. Не может же быть родины супермаркет или полный холодильник! Должно быть чувство России, Белоруссии, Украины.

- Недавно в “Аргументах и фактах” Василий Быков писал: **Белоруссия не должна была участвовать в Великой Отечественной...**

- Я не поддерживаю подобной крайней точки зрения. Так вообще нельзя, наверное, говорить, пока живы люди того поколения. Герои моей последней книги “Зачарованные смертью” говорят: “Дайте уйти нашему поколению”. И я так считаю, ведь эти старые люди действительно совершили подвиг. У Василия Владимировича, может быть, есть право на такую точку зрения, он сам принадлежит к этому поколению.

- Насколько я понимаю, вашим учителем был Алесй Адамович. Наверняка вы унаследовали какие-то его взгляды.

- Знаете, вот Александр Михайлович такую статью не написал бы, хотя они были большими друзьями с Василем Владимировичем. Он не был сторонником крайней национальной обособленности. Это был общеславянский, общеевропейский человек. Он, действительно, мой учитель, и, наверное, от этого у меня нет чувства, что я - человек, принадлежащий только вот этому кусочку земли. Я вообще чувствую себя олавянкой прежде всего, когда бываю за границей. А сейчас я пишу книгу о Чернобыле, и когда езжу по зоне, по всем этим пустым городам, деревням, ощу-

“В конце концов есть предел человеческим силам. Я уже не могу об этом писать. Все, что я хотела сказать о войне, я сказала...”

щаю себя космополитом в полном смысле этого слова. Я не белоруска, не русская, не французанка, а представитель биологического вида, который может быть уничтожен. Голый человек на голой земле. И когда после Чернобыля приезжаешь домой, включаешь телевизор и видишь, как люди повсюду убивают друг друга, кажется, что все просто сошли с ума. А когда еще русские, белорусы, украинцы начинают выяснять отношения, это кажется полным безумием. Вообще, я думаю, что все это формы какой-то болезни, которая появляется, когда человек освобождается от насилия.

- Вместе со своими героями вы проживаете все эти жуткие войны. Не тянет такая ноша?

- А о чем еще мне писать? Понимаете, если человек всю жизнь живет в тюрьме, он о тюрьме и пишет. Я всю жизнь живу в военном обществе, ведь мы совершенно военные люди: по мышлению, по представлению о ценности жизни, смерти, по отношению друг к другу. Мы или готовились к войне, или вспоминали о ней, или воевали. И сейчас идет война, просто она далеко, но сколько гробов из Чечни приходит только в ваш город. А по всей России?... Я живу среди этого и об этом пишу.

- Адамович как-то сказал, что жанр, в котором вы пишете, до сих пор не имеет названия. Это сплав художественного и документального, жизнь, облеченная в художественную форму. И что своим авторским словом вы в какой-то степени жертвуете, даже слишком, когда даете слово своим героям...

- Это, прежде всего, сконструированная проза. И в ней - мое собственное отношение к тому, о чем я пишу. Жанр можно определять по-разному, но для меня это не так интересно. Всегда было интересно построить

это “здание”, в каждой новой работе - по-другому. Ни в коем случае не повторять то, что уже было сделано в предыдущей книге. Что же касается авторского слова, то оно не обязательно заключено в авторском тек-

те, оно в моем отношении. Для меня важен прежде всего факт. Но факт должен обязательно дойти до образа, иначе это будет не литература, а журналистика.

- А как соотносятся литература такого рода и театр?

- У меня нет чувства собственности по отношению к своим произведениям. Я всегда с интересом отношусь к прочтению другого человека. Эфрос в Театре на Таганке ставил “У войны не женское лицо”, в Париже поставили “Цинковых мальчиков”, болгары по-своему прочли, немцы - по-своему. И все это мне было интересно, потому что я от этого тоже что-то приобретаю.

- Вы сказали, что пишете о Чернобыле. Что это будет за книга?

- Она называется “Чернобыльская молитва. Хроника будущего”. Это тоже попытка составить картину происшедшего в живых голосах - голосах людей, которые были участниками и свидетелями этой катастрофы: все, кто оказался втянутым в нее, дают свою версию ими пережитого. С Чернобылем нам жить вечно, поколений 40 должно пройти, чтобы кончилось время распада. Но я пишу не только об этом, а еще о том, как вали себя люди в той экстремальной ситуации, когда проверяется, что такое человеческая природа, сколько есть человека в человеке; и если есть хоть немного, как это сохранить.

- Вы напишете когда-нибудь о войне в Чечне?

- Нет. Я не напишу.

- Почему?

- В конце концов, есть предел человеческих сил. Я уже не могу об этом писать. Все, что я хотела сказать о войне, я сказала. Меня сегодня никто не убедит в том, что есть что-то важнее человеческой жизни. Нет такой идеи. Война - это дело человеческих рук, но дело совершенно нечеловеческое. Нет ничего страшнее, когда видишь, что на земле лежит человек, убитый не зверем, не стихией, а другим человеком. Никакого оправдания этому нет.

Материалы подготовила Алла БРУК